

ХАДЖНАМЕ МУСЫ БИГЕЕВА. «ИЗ РОССИИ, МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ОДИН...»

ХАЙРУТДИНОВ

Айдар Гарифутдинович,

канд. филос. наук, доцент, ст. науч. сотр. отдела истории религий и общественной мысли, ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ» (420014, Россия, г. Казань, Кремль, 5-й под.).
E-mail: khaidar67@mail.ru

Аннотация. Публикация посвящена описанию уникального документа — дневниковых записей Мусы Бигеева о хадже, который ученый совершил в 1927 г. Материал раскрывает малоизученную страницу биографии татарского богослова. Также приводятся краткие данные о той части архива Мусы Бигеева, которая представлена его дневниками, и подробное описание дневника, в котором содержатся записи о хадже. Кроме этого, статья вкратце знакомит с историей жанра хаджнаме в татарской литературе, с предысторией поездки ученого в хадж, степенью изученности данного события его биографии, а также с особенностями и содержанием записок о хадже.

Ключевые слова: Муса Бигеев, хадж, жанр хаджнаме, обряды ислама, Мекканский конгресс, международные политические организации мусульман, история Саудовской Аравии.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-25-50

Муса Яруллович Бигеев (25 декабря 1873 (7 января н. ст.) — 28 октября 1949)¹ — выдающийся татарский мусульманский богослов, ахун 1-го магометанского прихода Петроградской соборной мечети (1917–1923), религиозный философ, педагог и общественный деятель, писатель и публицист (литературный псевдоним Муса Джарулла). Благодаря историческим переменам имя этого выдающегося ученого было возвращено из небытия, а его идеи и научно-богословское наследие в целом становятся тем маяком, который освещает пути дальнейшей эволюции мусульманской уммы России и всего мира.

В наши дни религиозно-философское наследие Мусы-эфенди Бигеева получило самую высокую оценку его потомков. Начиная с 2014 г. ежегодно проводится Международная научно-теологическая конференция «Бигиевские чтения». Третьи «Бигиев-

¹ Автор в настоящей статье использует написание фамилии Мусы-эфенди как «Бигеев», т. е. так, как она зафиксирована в архивных источниках. Однако в дореволюционной и современной русскоязычной литературе также используется вариант «Бигиев». О проблеме транскрипции фамилии ученого-богослова и имеющихся разночтениях в указании даты и места рождения см.: Тагирджанова А. Н. Из опыта изучения проблемы искажения фамилии Мусы Бигеева // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2016. № 1/2. С. 280–284.

ские чтения», проведенные в апреле 2016 г. в г. Санкт-Петербурге, были полностью посвящены рассмотрению концепции «всеохватности Божьей милости» как главного принципа межрелигиозного диалога в XXI веке¹.

Суть учения о всеохватности божественного милосердия воспринята и активно продвигается в качестве идеологического маяка, способного обеспечить дальнейшее поступательное развитие российского ислама и духовный рост мусульман современными духовными лидерами российских мусульман. Достаточно вспомнить публичную лекцию председателя Централизованной религиозной организации Духовного управления мусульман Российской Федерации (далее — ДУМ РФ) муфтия шейха Равиля Гайнутдина 19 февраля 2016 г. в Ресурсном центре по развитию исламского и исламоведческого образования при Институте международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета².

По мнению Р. Гайнутдина, утверждающая существование разных путей к Богу и обещающая возможность конечного спасения представителям иных религий, а не только приверженцам ислама, концепция всеохватности божественной милости, «сегодня заслуживает самого пристального изучения и осмысления, причём это касается не только и не столько российского мусульманства... сколько всего исламского мира...»³

Данное учение также является предметом религиозно-философского исследования, развиваемого первым заместителем председателя ДУМ РФ, имамом-мухтасибом Санкт-Петербурга и Ленинградской области Д. В. Мухетдиновым. В своих трудах он обращается к идеям М. Бигеева с опорой на Коран и аутентичную Сунну, намечая ряд основных принципов будущей философии религии, которая, по словам Мухетдинова, непременно должна быть востребована мусульманами⁴.

Дальнейшее развитие идеи Мусы Бигеева получили в религиозно-философском учении о кораническом гуманизме, разрабатываемом ведущим российским специалистом по исламской философии Тауфиком Ибрагимом. В своем фундаментальном исследовании «Коранический гуманизм» он отмечает, что гуманистические аспекты коранического послания, значительно опередив свое время, не были вполне адекватно освоены со стороны большинства традиционных богословов. Среди них Т. Ибрагим выделяет в том числе и всеохватность

¹ См.: III международные Бигиевские чтения посвящены идеям всеобщего спасения и межрелигиозного диалога [Электронный ресурс] // Мусульмане России: официальный сайт Централизованной религиозной организации Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2016. 28 апреля. URL: <http://dumrf.ru/regions/78/event/10682> (Дата посещения: 10.07.2016).

² См.: Сафиуллина Аль-Анси Р. Р., Алмазова Л. И. Ресурсный центр по развитию исламского и исламоведческого образования ИМОИИВ КФУ: «Хуш килдегез, мәрхаба!» // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 240–243.

³ Гайнутдин (Гайнутдинов) Р. И. Традиционная мусульманская этика как движущий мотив развития обществ в XXI в. // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 2. С. 27.

⁴ См.: Мухетдинов Д. В. К вопросу о российском мусульманстве // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 86.

божественной милости, и возможность конечного спасения для всех людей (апокатастасис)¹.

Дневники Мусы Бигеева

Многочисленные трактаты и статьи Мусы-эфенди Бигеева, посвященные самым разным аспектам ислама, впервые ложились на бумагу на его рабочем столе, однако в виде замыслов они рождались в его воображении, в том числе и во время многочисленных и продолжавшихся на протяжении всей его жизни путешествий по самым разным странам Востока и Запада. В ходе своих поездок по Германии, Финляндии, Польше, Японии и голландским колониям в Юго-Восточной Азии, различным провинциям Османской империи (Хиджаз, Шам, Египет, Ирак, Анатолия), Ирану, Афганистану, Китаю, Индии и др. Муса Бигеев своими глазами видел и жизнь благополучных наций Европы, и тяжелый быт колонизованных мусульманских народов. Впечатления ученого, полученные им в путешествиях, не могли не отражаться в его трудах. Поэтому каждая его книга пронизана чувством острого соучастия и сопереживания жизни его единоверцев как на родине, так и во всем мире. Именно по этой причине мы должны признать, что Муса Бигеев был не только выдающимся религиозным мыслителем, но и ученым-практиком, занимавшимся серьезной полевой исследовательской работой.

Для ученого такого масштаба было вполне естественно вести дневники и делать заметки об увиденном, услышанном и пережитом. В ходе исследования жизненного пути татарского ученого было установлено, что такие дневники действительно существовали. Многочисленные блокноты с путевыми заметками Мусы Бигеева не сгнули в прошлом, но в целостности и сохранности дошли до наших дней.

Архив дневников Мусы-эфенди сохранился благодаря стараниям его близких друзей: дочери Абдрашита Ибрагимова Фаузии-ханум (род. после 1885 г.) и видного татарского общественного деятеля Алимджана Идриси (1887–1959)². Именно этим двум личностям было суждено находиться рядом с Мусой Бигеевым в последние дни его жизни, которые прошли в Каире.

После кончины Мусы-эфенди А. Идриси и Фаузия-ханум, исполняя завещание своего учителя, обеспечили доставку личной библиотеки Мусы Бигеева в Финляндию, откуда она была передана в Националь-

¹ См.: *Ибрагим Т.К.* Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. М., 2015.

² После окончания Второй мировой войны Алимджан Идриси проживал в Каире и служил переводчиком у Фарука I (1920–1965) — правителя Египта и Судана, правившего в 1936–1952 гг.

ную библиотеку Турции¹, находящуюся в Анкаре. С тех пор эта часть национальных духовных сокровищ татарского народа хранится в столице Турецкой Республики.

Электронные сканы дневниковых записей Мусы Бигеева попали в руки автора данной публикации благодаря великодушной помощи Булата и Ильсияр Рамеевых — его друзей, работающих в Турции. Пользуясь случаем, автор выражает им свою большую благодарность и признательность.

Исследование цветных электронных изображений дневников Мусы Бигеева показало, что они представлены тетрадами и блокнотами в количестве 27 единиц хранения. Среди них имеются как простые школьные тетради объемом 12 страниц, так и блокноты в твердом переплете, объемом до 86 страниц. Эти носители имеют самую широкую географию происхождения. Среди них есть школьные тетради и блокноты, изготовленные в СССР, Кабуле, Дели, Бомбее (современ. Мумбай), Тегеране, Исфахане, Ираке, Сирии и в Стамбуле. Совокупный объем всех дневников составляет 1260 страниц. Обзор перечисленных носителей позволяет ясно представить себе маршруты а также хронологические рамки путешествий Мусы Бигеева.

Что касается содержания дневников, то оно является весьма разнообразным тематически и многогранным с фактологической точки зрения. В них представлены многочисленные данные о самых разных отраслях науки, запечатлены размышления ученого, его глубокие душевные переживания, наблюдения, комментарии увиденного и многое другое. К примеру, в одном из блокнотов была обнаружена информация о происхождении различных слов татарского и русского языков, в другом — записи исторического и источниковедческого характера, в третьем — записи по географии, астрономии, летосчислению и др. Кроме этого, Муса-эфенди фиксировал в своих дневниках картинки из жизни людей в тех местах, через которые пролегал его путь, оставлял записи о встречах с различными выдающимися и малоизвестными личностями, писал о социально-политической ситуации, особенностях быта и о многом другом. В части дневников имеются записи, отражающие научно-религиозную деятельность ученого. К примеру, в одном из блокнотов занимают много места его размышления о проблеме брака (мут'а). В другой блокнот Муса-эфенди, работавший, судя по всему, в одной из библиотек мусульманского Востока, выписал для себя названия заинтересовавших его книг с их краткой аннотацией и личной оценкой значимости того или иного издания. В ряде дневников сохранились записи на арабском языке, которые, возможно, являются фрагментами его изданных (а возможно, неизданных) трудов. Среди таковых внимание привлекает объемная статья татарского ученого

¹ Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань, 2005. С. 36.

на тему семьи под названием «Женщина в семье». Статья занимает 22 страницы, и, возможно, она является неопубликованным фрагментом известного трактата-фетвы Мусы-эфенди «Женщина в свете священных аятов благородного Корана». В некоторых блокнотах обнаруживаются записи, представляющие собой переписанные от руки труды тех или иных ученых. При этом возможно, что Муса Бигеев нанимал профессионального переписчика, поскольку упомянутые записи выполнены почерком, отличным от почерка Мусы Бигеева. Среди таких рукописных копий книг привлекает внимание трактат П. Ф. Тома под названием «Уроки философии». Это свидетельствует о том, что Муса-эфенди не ограничивал себя только религиозной тематикой, но и живо интересовался западной наукой и ее научными достижениями, в том числе и в области ориенталистики. Один из дневников Мусы Бигеева включает в себя его путевые заметки о хадже, который ученый совершил в 1927 г. Данный источник был выбран в качестве основы для настоящей публикации.

В целом знакомство с дневниками Мусы-эфенди позволяет ощутить дух той эпохи, воочию представить себе, как происходили судьбоносные события, и участников этих событий, которые своими руками писали историю.

Жанр хаджнаме в татарской литературе

Жанр путевых записей, называемый *сафарнаме* и/или *саяхатнаме*, издавна был распространен среди татар, а тексты, в которых описывались путешествия в хадж, арабо-персидским словом *хаджнаме*, что можно перевести как «записки о хадже».

Самые древние из сохранившихся татарских хаджнаме относятся к XVIII в. Так, в 1862 г. в Казани был издан трактат под названием «Ике хажиньң рихлэтнамәләре» («Записки о путешествии двух хаджиев»). Авторы данного произведения, а именно Исмаила Бикмухаммада и Мухаммада Амина Гумара, устанавливают по имеющейся в издании ссылке на них как рассказчиков о путешествии. Рукописный оригинал хаджнаме Исмаила-хаджи, включенный в упомянутую книгу, лег на бумагу в конце XVIII в.¹ Как показывают источники, хаджнаме в те времена было принято включать в состав более объемных саяхатнаме и сафарнаме.

Из числа хаджнаме, опубликованных в XIX в., можно назвать поэтическое «Сәяхәтнамә» знаменитого татарского поэта и богослова Абульманиха Каргалы (1782–1833), напечатанное в 1817 г., а также принадлежащую его перу книгу «Тәржемә-и хажи Әбелмәних әл-Бистәви

¹ Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963. Б. 522.

ас-Сәғыйди» (1845)¹, «Хажнамә» Гали Чукрия (1826–1889), опубликованное в 1872 г.², «Сәфәрнамә» Мухаммада бин Салиха ал-Гумари, увидевшее свет в 1890 г. В начале XX в. количество произведений, написанных в жанре хаджнамә, возросло. Были опубликованы «Ошбу рисалә мәнәсик әл-хаж вә нағъти рәсулиллаһ» (Казань, 1901) Зайнетдина бин Шарафетдина ал-Булгари, «Хажнамә» (Астрахань, 1910) Абдулгазииза Хаджитархани, «Сәфәр әл-Хижаз» (Стерлитамак, 1911) Ахмадшаха бин Ахматжана ал-Казани, «Хаж зары» (Казань, 1912) Аглиуллы Билалова, «Рисаләт миръәт әл-хаж яхуд хаж көзгесе» (Казань, 1913) Мухаммадвалия Багдани, «Рихләт бин аль-Мәгази аль-Хижаз» (Оренбург, 1913) Шейха Маази ал-Уруви³.

С началом XX в. татарская периодическая печать стала посвящать для публикаций хаджнамә отдельные регулярные рубрики. Например, издававшаяся в Оренбурге газета «Вақыт» в 1911–12 гг. опубликовала на своих полосах семь писем Салиха Камала, объединенных под названием «Хаж мәктүпләре». Кроме этого, в 1912 г. в пяти номерах этой газеты были опубликованы путевые записки имама Хайруллы Гусманова «Хаж сәфәре», в шести номерах 1913 г. — статья Зуфара Касыми под названием «Хаждан кайтуда»⁴.

Издавались и отдельные книги, посвященные путешествиям в хадж. Так, в 1910 г. в Астрахани было издано «Хажнамә» Габдерахима бин Рамазана, написанное в стихотворной форме⁵. Кроме этого, даже русская периодическая печать размещала на своих полосах записки российских хаджиев. Например, в 1901 г. в 1-м и 2-м номерах журнала «Землеведение» была опубликована объемная статья Хаджи Салим-Гарая Султанова на русском языке под названием «Священная область мусульман в Аравии (Из воспоминаний паломника)»⁶.

Жанр хаджнамә не забыт и до настоящего времени. Путевые заметки о посещении святынь ислама, написанные как в прошлом, так и до настоящего времени, публикуются Издательским домом «Медина», например, в издаваемом ежегодном сборнике «Хадж российских мусульман».

Таким образом, путевые записи Мусы Бигеева о его путешествии в хадж представляют собой произведение, которое можно отнести

¹ Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. Т. 2. XIX йөз татар әдәбияты. Казан, 1985. Б. 126.

² Данное «Хаджнамә» было переведено на русский язык И. Гимадеевым и опубликовано в Интернете. См.: Хадж российских мусульман № 5 (Ежегодный сборник путевых заметок о хадже) [Электронный ресурс] // Издательский дом «Медина»: сайт. 2014. 12 февраля. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?5772 (Дата посещения: 10.07.2016).

³ См.: Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрк-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. С. 12, 87.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Данное стихотворное хаджнамә опубликовано в Интернете. См.: Гимадеев И., Джаннат С. Хадж-наме [Электронный ресурс] // Хадж российских мусульман. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. 2015. № 6. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?6610 (Дата посещения: 10.07.2016).

⁶ См.: Хаджи Салим-Гирей Султанов. Священная область мусульман в Аравии. (Из воспоминаний паломника) // Землеведение. 1901. I — II.

к старинному жанру татарской литературы хаджнаме. Следует отметить, что сам Муса-эфенди не намеревался публиковать свои путевые записки. Тем не менее его записки о богоугодном путешествии являются уникальным документом о хадже, совершенном гражданином СССР в первое десятилетие после установления советской власти, и, хотя бы по этой причине, они достойны быть опубликованными. Более того, мы уверены, что эти записки татарского ученого окажутся единственным в своем роде литературным и историко-документальным памятником, содержащим ценные для науки данные самого разного характера. В силу перечисленных выше причин из личного архива Мусы Бигеева для публикации был выбран именно тот дневник, а точнее — блокнот, который хранит в себе записи о его путешествии в хадж.

Описание дневника Мусы Бигеева с записями о хадже

Упомянутый блокнот представляет собой печатную продукцию книжного типа, т. е. полноценный книжный блок, состоящий из прошитых тетрадей писчей бумаги, заключенный в твердую обложку с форзацами и матерчатым корешком. Дневник хранится в Национальной библиотеке Турции под регистрационным номером А5924. Размеры блокнота определены весьма приблизительно, поскольку для этого пришлось пользоваться его сканированными изображениями. Исходя из косвенных признаков, таких как величина букв рукописи, размер библиотечного штампа и др., удалось установить, что размеры блокнота составляют приблизительно 200×140 мм, по высоте и ширине соответственно. Блокнот содержит 124 страницы для письма и 4 страницы форзацев. Форзацы изготовлены из плотной бумаги темно-зеленого цвета. Страницы для письма выполнены из листов желтоватой бумаги, линованной на строки красителем голубого цвета. На каждой странице насчитывается 20 строк. Каждый разворот блокнота в левом верхнем углу имеет номер, вписанный от руки арабскими цифрами.

Текст путевых заметок о хадже начинается с первого листа блокнота с т. н. «восточной стороны» и заканчивается на развороте № 28. Текст хаджнаме занимает 55 страниц. На разворотах №№ 29–30, следующих сразу после хаджнаме, каких-либо записей не имеется. Возможно, владелец блокнота таким образом отделил текст путевых заметок о хадже от записей, посвященных другим темам. В дальнейшем записи возобновляются на развороте № 31. Их тематика не относится напрямую к хаджу, но, однако, они представляют собой ценнейший материал, содержащий сведения о деятельности и внутренней «кухне» Всемирного мусульманского конгресса, а также сведения о различных моментах истории Саудовской Аравии.

Исходя из сказанного выше, было принято решение публиковать записи из упомянутого дневника, разделив их на две части. В настоящее время к публикации на русском языке подготовлена первая часть, имеющая условное название «Хаджнаме Мусы Бигеева». Она и предлагается вниманию читателя. Вторая часть находится в стадии подготовки к публикации.

Предыстория поездки Мусы Бигеева в хадж

Согласно свидетельству самого Мусы Бигеева, он отправился в хадж в мае 1927 года¹. Однако для того, чтобы иметь по возможности полное представление о том периоде в жизни ученого, необходимо вкратце рассказать об основных событиях его биографии, которые имели место в 20-е гг. XX века.

Начнем с того, что в 1923 г. в Берлине вышло в свет объемное религиозно-философское и политико-социологическое произведение Мусы Бигеева «Ислам милләтләренә дини, әдәби, сәяси мәсьәләләр, тәдбирләр хакында» (т. н. «Воззвание к мусульманским нациям»). Данный труд известен также и под названием «Азбука ислама». Работа была задумана как мусульманский ответ на опубликованную в 1919 г. «Азбуку коммунизма», написанную видными деятелями большевизма Н. И. Бухариным (1888–1938) и Е. А. Преображенским (1886–1937). Фактически, этот труд Мусы Бигеева представляет собой проект исламской конституции, родившейся в горниле перемен глобального масштаба, сотрясавших человеческое сообщество в первой четверти XX века.

В качестве редактора рукописи «Азбуки ислама» выступил выдающийся татарский писатель и общественный деятель, политэмигрант Гаяз Исхаки (1878–1954), который в те годы проживал в Берлине. Таким образом, книгу Мусы Бигеева «Азбука ислама», в которой были подвергнуты уничтожающей критике постулаты марксизма, к печати готовил известный антисоветчик и один из идеологов татарского национально-освободительного движения. Этих фактов оказалось достаточно для того, чтобы Муса Бигеев был арестован сотрудниками ОГПУ/НКВД в ноябре 1923 г.

Арест известного мусульманского ученого вызвал волну протестов в среде татарской зарубежной диаспоры. В частности, финские татары организовали сбор подписей под петицией об освобождении Мусы Бигеева и через представителей турецкой дипломатии передали ее в соответствующие органы власти СССР². В результате этой активности Муса-эфенди был освобожден из-под стражи, но ему было предписано в течение трех лет проживать в Москве без права покидать город.

¹ См.: Дневник М. Дж. Бигеева. Milli Kütüphane. Ankara. Ед. хр. № 5924. С. 1.

² См.: Görmez M. Musa Carullah Bigief. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı yayınları / 125, 1992. S. 36–37.

Следует признать, что меры, предпринятые властями по отношению к Мусе Бигееву, не были жестокими. Проживая в Москве в качестве ссыльного, Муса-эфенди был, тем не менее, свободен в передвижении по городу, он мог встречаться и общаться с нужными ему людьми, в т. ч. и иностранцами, переписываться и заниматься научно-религиозной деятельностью. Более того, осенью 1925 г. Муса-эфенди даже добился от органов советской власти разрешения на отдых в Крыму.

Крымские татары тепло встретили Мусу-эфенди и окружили его заботой и вниманием. Во время пребывания на отдыхе Муса-эфенди часто встречался с местным мусульманским сообществом и религиозными деятелями. В ходе таких встреч обсуждался широкий круг богословских и религиозно-философских тем. На одной из таких встреч Муса-эфенди был задан вопрос об отношении ислама к опьяняющим напиткам. Данный вопрос был весьма актуален для крымских татар, традиционно занимавшихся виноградарством и виноделием. Муса-эфенди дал развернутый ответ на поставленный вопрос. Позже его ответ в форме фетвы был опубликован в издаваемом в Крыму мусульманском журнале «Аср-и мусульманлык»¹.

В середине 1926 г. в Мекке состоялся первый Всемирный мусульманский конгресс, посвященный проблеме халифата. Для участия в работе форума была приглашена и делегация советских мусульман. Несмотря на статус пониженного в правах гражданина, Муса Бигеев, получивший индивидуальное приглашение от организаторов форума, получил также разрешение и от органов советской власти на участие в работе конгресса вместе с делегатами от Уфимского духовного управления мусульман. Поездка в Мекку состоялась, и Муса-эфенди принял участие в работе Мекканского конгресса 1926 г.

На рубеже 1926–27 гг. закончился срок московской ссылки Мусы Бигеева. Он сразу же вернулся в Ленинград, к своей семье, а спустя несколько месяцев Муса-эфенди отправился в хадж, совместив свое богоугодное путешествие с активным участием в деятельности рабочей группы Мекканского конгресса, о чем и свидетельствуют его дневниковые записи.

Степень изученности рассматриваемого периода биографии Мусы Бигеева

Изучение жизненного пути выдающихся личностей прошлого и написание подробной, хронологически выверенной биографии является трудоемким делом. Сказанное верно и относительно биографии Мусы Бигеева. Составление полной картины прожитой им насыщенной и бо-

¹ Görmez M. Musa Carullah Bigief. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı yayınları / 125, 1992. S. 38.

гатовой на события жизни еще далеко от завершения. Если мы возьмем, для примера, поездку Мусы Бигеева в хадж в 1927 г., то выяснится, что информации об этом событии в его жизни не так уж и много. Исследователи жизненного пути татарского ученого, говоря о совершенном им хадже, ограничиваются лишь двумя-тремя предложениями. Например, известный историк и общественный деятель Габдулла Баттал-Таймас (1883–1969), который был лично знаком с М. Бигеевым, в своей книге «Муса Ярулла Биги» пишет: «В 1926 г. Мусе-эфенди было дано разрешение поехать в Мекку на мусульманский конгресс...»¹, но не говорит чего-либо о том, что Муса-эфенди совершил хадж в 1927 г.

Биография Мусы Бигеева была хорошо изучена турецким ученым Мехметом Гёрмезом. В своей монографии он пишет, что в 1927 г. Муса-эфенди получил разрешение властей на совершение хаджа, а на обратном пути из хаджа принимал участие в мусульманском конгрессе по халифату, который проводился в Иерусалиме². Однако названный конгресс проводился в Иерусалиме в 1931 г., а не в 1927-м.

Еще один турецкий исследователь биографии Мусы Бигеева, Ахмад Канлыдере, говоря о событиях 1927 г., о хадже упоминает очень коротко: «В 1927 г. [Муса Бигеев. — А. Х.] добился разрешения на совершение хаджа. Он посетил Медину и пробыл там двадцать дней. Он увидел, что Медина была более отсталой, чем Бухара»³. При этом А. Канлыдере ссылается на трактат Мусы Бигеева под названием «Ал-Ваши'а фи накъд 'акаид аш-ши'а», который был опубликован в 65-м номере турецкого журнала *Selâmet* за 1948 г.⁴

А. Тагирджанова, написавшая большой и подробный труд о советском периоде жизни Мусы Бигеева, сообщает о хадже 1927 г. лишь одним предложением⁵.

И. Гимадеев, также изучающий наследие Мусы Бигеева, в одной из своих статей, вторя упоминавшемуся выше А. Канлыдере, цитирует фрагмент из книги М. Бигеева «Ал-Ваши'а фи накъд 'акаид аш-ши'а»³. В этом фрагменте сообщается о том, что в 1927 г. Муса-эфенди двадцать дней прожил в Медине. Однако в действительности происхождение данной информации остается непонятным, поскольку в имеющейся у нас ксерокопии арабоязычного издания упомянутого трактата Мусы Бигеева подобная информация отсутствует⁶.

¹ *Баттал-Таймас Г.* Муса Ярулла Биги. Казан: «Иман» нәшрияты, 1997. С. 24.

² См.: *Görmez M.* Указ.соч. С. 39.

³ *Kanlıdere A.* Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah. Hayatı — Eserleri — Fikirleri. Ankara: Dergâh Yayınları, 2005. S. 118.

⁴ Названный труд М. Бигеева был издан в Казани в 2003 г. издательством «Иман» в переводе на русский язык и под редакцией Д. А. Шагавиева.

⁵ *Тагирджанова А. Н.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010. С. 213.

⁶ См.: *Джаруллах М.* Ал-Ваши'а фи накд 'ака'ид аш-ши'а [Челнок для раскрутки пряжи воззрений шиизма]. Ал-Кахира, 1935. С. 24.

Как видно из сказанного выше, исследователи биографии Мусы Бигеева сообщают очень мало информации о хадже, который ученый совершил в 1927 г. Следовательно, предлагаемая вниманию востоковедческого сообщества публикация не только впервые вводится в научный оборот, но и раскрывает те моменты жизненного пути татарского ученого, которые до сих пор оставались малоизученными.

Особенности хаджнаме Мусы Бигеева

Предлагаемая публикация представляет собой перевод с татаро-османского на русский язык¹. Следует отметить, что язык, на котором Муса Бигеев писал свои труды и делал записи в дневниках, в свое время был понятен любому образованному мусульманину, принадлежащему к тюрко-мусульманскому этносу. Этот язык можно назвать языком высокой тюрко-мусульманской учености, и он был весьма далек от народно-разговорного языка российских татар. Однако в 20-е гг. XX в. представители молодой татарской интеллигенции уже писали на языке, приближенном к народно-разговорному. Фактически это был период формирования нового татарского литературного языка, когда уже появились первые литературные произведения на новом языке, максимально очищенном от арабо-персидских лексических заимствований и элементов турецко-османского синтаксиса. Параллельно в эти годы перестал существовать как татаро-османский язык произведений Мусы Бигеева, так и т. н. старотатарский язык, на котором писала свои произведения основная масса татарских дореволюционных авторов. Однако Муса Бигеев не поддался общему лингвистическому тренду и, как видно из текста его хаджнаме, продолжал писать на привычном для него татаро-османском языке.

Следует отметить, что путевые заметки Мусы Бигеева о путешествии в хадж не являются последовательным литературно-художественным текстом, части которого находятся в сквозной логической связи друг с другом. Даже само название «хаджнаме» является условным названием, выбранным нами лишь ради отражения жанровой принадлежности авторского текста. Что касается самого автора, то он не дал своим путевым заметкам какого-либо названия. В действительности дневниковые записи Мусы Бигеева о хадже представляют собой каскад заметок по различным темам, лишь некоторые из них связаны между собой логически и, как следствие, могут быть восприняты как короткое повествование

¹ Татаро-османский текст путевых заметок М. Бигеева 1927 г. опубликован автором статьи с использованием транслитерации на кириллице. См.: *Хайретдинов (Хайрутдинов) А.Г. Русиядән, димәк мөмкин, йалһыз бән...* (Муса Бигиевнең 1927 нче елгы хажнамәсе). Тарихи-документаль очерк. Кереш сүз Ә. Т. Сибгатуллина. Казан: ТФА Ш. Мәржани ис. Тарих институты, 2016. 156 б. В дальнейшем планируется издать также на современном татарском языке.

о том или ином событии, которое произошло во время путешествия Мусы Бигеева, начавшегося в Одессе и продолжившегося в Хиджазе. При этом даже более или менее цельный и связный фрагмент дневниковых записей может иметь не относящиеся к основной теме повествования включения и вставки. В свою очередь, фрагменты рукописного текста отделялись автором друг от друга либо пустым пространством, либо методом изменения ориентации того или иного фрагмента на странице, либо переносом на следующую страницу, либо подчеркиванием и, наконец, заголовками, которые, судя по тексту, автор вписал карандашами синего и красного цвета уже после того, как основной текст путевых заметок был им написан. Что касается рукописного текста собственно хаджнаме, то он был исполнен чернилами черного цвета.

В нашем переводе мы постарались максимально сохранить авторскую топографию текста в том, что касается деления на абзацы и разделы. Также оставлена без изменений авторская датировка записей, которая, надо отметить, грешит некоторой непоследовательностью.

В заключение выразим надежду на то, что данная публикация вызовет интерес у специалистов, занимающихся исследованием истории хаджа как обрядовой составляющей ислама, и у исследователей политической истории Ближнего Востока, Аравийского полуострова и, в особенности, истории Саудовской Аравии. Полагаем также, что источник окажется полезным для ученых, занимающихся изучением истории организованной политической деятельности мусульман.

Предполагаем, что внимание исследователей привлекут также и те заметки Мусы Бигеева, в которых он описывает свои встречи, беседы с выдающимися религиозными лидерами мусульманского мира и государственными деятелями, стоявшими у истоков создания такого государства, как Саудовская Аравия, в ходе которых обсуждались различные стороны их совместной работы на поприще политического возрождения мусульманского мира.

Вступительная статья, перевод с татаро-османского языка и комментарии кандидата философских наук А.Г. Хайрутдинова.

Муса Бигеев

ЗАПИСКИ О ХАДЖЕ 1927 Г.¹

В воскресенье, 15 мая 1927 г. я отправился в путь из Одессы. На таможне не позволили вывезти российские деньги, поэтому через знакомого имама я передал свои 510 рублей моим детям. И тому рад. Все остальное прошло замечательно.

Бисми-л-лахи мутаваккилан ала-л-ллах².

Наш пароход зафрахтован специально для хаджиев. Их на борту сто тридцать семь человек. Благодаря заботе моих братьев-спутников из каюты третьего класса я переместился в каюту первого класса. Душа моя радуется. *Ва ма тавфик илла би-л-лах*³.

На пароходе чисто, к хаджиям отношение уважительное. Такое положение дел является весьма сильной агитацией, великолепной пропагандой. И, наконец, благодатной и разносторонней торговлей. Это весьма полезное средство для того, чтобы собрать русские деньги и царские золотые, оказавшиеся за границей.

17 мая, во вторник в 4–5 часов утра показался Босфор. Около шести часов пароход причалил возле района Кавак⁴. Погода была весьма свежей и тихой. Здесь пароход ожидал прибытия врачей, работающих на санитарном контроле. Объявили, что сходить с парохода или подниматься на его борт строго запрещено. Запрещено даже приближаться к нему.

Какими бы соображениями ни было вызвано такое решение, хоть санитарно-медицинскими, хоть политическими, оно представляет собой излишнюю предосторожность. Равно как и перегиб, демонстрирующий неуважение к мусульманам.

Конечно, медицинские вопросы являются международной проблемой. Но остается непонятным, почему такая чрезмерная избирательность проявляется именно по отношению к хаджиям.

Если данную проблему хотя бы в общих чертах не решит Конгресс⁵, то, как минимум, ее могут решить правительства Турции и России в той мере, в которой последняя имеет к ней отношение.

Данная проблема также очень важна для компании Совторгфлот⁶. Если в этот раз Стамбул не примет хаджиев, то после этого у них про-

¹ Дневник М. Дж. Бигеева. Milli Kütüphane. Ankara. Ед. Хр. № 5924. С. 1–28. Публикуется 1-я часть «Записок», окончание в № 4. Полностью документ в переводе на русский и татарский языки готовится к печати в ИД «Медина». Перевод и комментарии А. Г. Хайрутдинова. Научный редактор перевода Ш. Р. Кашаф.

² Бисми-л-лах мутаваккилан ала-л-лах (*араб.*) — с именем Аллаха и полагаясь на Аллаха.

³ Ва ма тавфик илла би-л-лах (*араб.*) — нет успеха кроме как с Аллахом.

⁴ Кавак — район Стамбула.

⁵ Конгресс — подразумевается Мекканский конгресс, впервые собравшийся в 1926 г.

⁶ Совторгфлот (Советский торговый флот) — государственная торговая компания, основанная в СССР в 1924 г.

падет всякое желание. А ведь именно мусульманские страны пожелали, чтобы кашгарские мусульмане отправились в хадж российским путем.

Визы были на руках всего у шестидесяти или семидесяти хаджиев. Это выяснилось в Каваке, поэтому и не было дано разрешения сходить на берег.

Но ведь ни один хаджий никогда и нигде не оказывался переносчиком какой-либо заразной болени. Отчего такой страх перед хаджиями? Отчего такое враждебное отношение и чувство ненависти к хаджиям?

Представитель компании Владимир Степанович Суслин прекрасный, рассудительный человек. Он приложил все усилия для того, чтобы найти возможность для хаджиев сойти на берег. Если бы он продолжил настаивать, то разрешение было бы получено. Но задержка могла привести к опозданию на хадж, поэтому в этот раз он отступил. Зато он нашел пути для пятидневной остановки со сходом на берег на обратном пути.

Ходят слухи, что из Анкары пришла телеграмма с разрешением на сход хаджиев на берег. А позже якобы была получена телеграмма с запретом. Может быть, компания пошла на это с целью избежать лишних финансовых затрат? Или же имелось какое-то другое препятствие?

Может быть, это турецкое представительство распорядилось, дабы оградить хаджиев от трудностей? Как бы там ни было, сильное желание хаджиев из Китая, да и вообще всех хаджиев, посетить Стамбул осталось неисполненным. Очень обидная, в силу своей бессмысленности, ситуация!

Ходят слухи, что якобы имеется предписание иметь на транзитных пароходах одного-двух медицинских сотрудников. На наш пароход были приписаны два турка — Мухаммад Фуад и Али Фуад. Они пробыли на пароходе до Чанаккале¹.

17 мая в Мраморном море в час, когда садилось солнце, экипаж парохода с целью развлечь хаджиев устроил для них танцы и игры. Кашгарские хаджи тоже танцевали. У них и своя гармошка была.

Погода стоит отличная, хаджи пребывают в радостном настроении. Некоторые отослали домой радостные приветственные телеграммы.

18 мая помощник капитана пришел в нашу каюту и уважительным тоном пожаловался, что пропали или были украдены две-три курицы. «Предостерегите хаджиев, если после этого повторится что-то подобное, то я строго накажу негодяев: *“Очень строго карать”*»². Я рассказал об этом Каракашу-эфенди и Абд ал-Гафур, хазрату Кашгари. Затем мы довели это предупреждение до всех хаджиев. Если среди хаджиев имеют место такие вещи, то это, конечно же, очень постыдно. Нельзя даже допустить, что виноват кто-то из членов экипажа.

¹ Чанаккале (тур.) — Галлиполи.

² Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые фрагменты своих записей М. Бигеев выполнил на русском языке (выделено курсивом).

Мне пришла мысль переписать имена и адреса местожительства всех хаджиев, присутствующих на пароходе. Предложил. Идея понравилась всем. Был составлен поименный список хаджиев.

Советская политика с большим уважением доставляет китайских и российских мусульман на специальных пароходах в священные для них края. Она открыла пути для совершения хаджа. Ни одно из исламских государств не смогло реализовать дело, подобное этому.

Трудное дело красным проникать куда-нибудь. Мы очень много упустили, проиграли. Возместить уже поздно¹.

20 мая на пароходе стал ощущаться недостаток питьевой воды. Капитан запер цистерны с водой на ключ. Воды нигде не осталось. Это было чересчур жесткое решение. Вода для чая испортилась, стала невкусной.

21 мая в три-четыре часа утра пароход подошел к набережной Порт-Саида. Здесь он отдал якорь и долго стоял. Пароход окружили полицейские катера. На борт также поднялись несколько человек. Все хаджи здоровы.

20 мая ночью пароход приблизился к побережью в районе Порт-Саида. Утром 21 мая мы увидели Порт-Саид. В три часа пополудни пароход вошел в канал. По каналу он шел довольно быстро. Я отправил телеграмму госпоже моего сердца:

«Одесса Порт-Саид море как зеркало. Восхищаясь искусством и природой проехали канал²».

Канал подобен прямой линии. Это плод великого рукотворного искусства, коим человек не может не восхититься. Но в то же время он является доказательством слабости человека перед могуществом природы. Несмотря на то, что сила просвещения велика, при сравнении ее с нашим невежеством, она все же исчезающе мала при сопоставлении ее с мощью природы. Человек, который сравнит Суэцкий канал с проливами Босфорским, Гибралтарским или Баб-эль-Мандебским проливом, узрит слабость людей. Земли Египта были заполнены иноземцами, которые, скажем так, утвердили здесь высокую культуру, которая все же служила лишь самим иноземцам. Я своими глазами убедился в том, что здесь нет и следа турецкой или русской силы. Каково же проявление революции в этих краях? Здесь прямой линией важнейшей и сильнейшей революции является прямая линия канала.

На всех пароходах, идущих по каналу, установлены мощные прожекторы.

Наш пароход был радиофицирован. Хаджи собирались и слушали радиопередачи.

¹ Данная реплика представляет собой краткую оценку М. Бигеевым восточной политики советского руководства, которую оно с первых дней своего существования проводило по отношению к мусульманским народам.

² Выделенная курсивом фраза в оригинале написана автором на русском языке.

Вечером, около десяти часов, подошли к городу Исмаилия. Пароход не останавливаясь проследовал дальше.

Это была половина пути.

22 мая, в воскресенье я проснулся ночью и вышел на палубу, дабы полюбоваться берегами. Настало утро. Рассвело. Канал представляет собой узкую речку посреди песчаной пустыни. Азиатская сторона — сплошные пески, на африканской стороне располагаются обустроенные селения и сады.

Следуя по каналу мы в нескольких местах останавливались, уступая путь. Так, мимо нас прошли несколько больших пароходов.

Надо признать, что хаджи не очень-то чистоплотны, но и сам пароход не блещет чистотой.

В Порт-Саиде воздух был чрезвычайно жарким. А далее, ближе к Суэцу, стало ощутимо прохладнее. Вокруг нас горы, вдалеке виднеются высокие вершины. Возможно, по этой причине по утрам с 4–5 часов в воздухе царит приятная прохлада.

21 мая, в понедельник, мы вошли в канал. 22 мая в семь утра вышли из канала. Всего потратили шестнадцать часов. При этом совершили три остановки со стоянкой. Следовательно, мы прошли канал за 12 часов. В Суэце был произведен простой и весьма поверхностный досмотр, и мы тронулись, пароход не встал на стоянку.

В воскресенье, 23 мая с утра и до вечера стояла ясная погода, но все же на поверхности моря ощущалось какое-то движение, пароход раскачивался, хотя все оставались на ногах.

В Порт-Саиде на борт поднялись три санитара: иудей, христианин и египетский врач-мусульманин. Господин врач принялся продавать хаджиям всякую мелочь, при возможности он мухлевал и надувал покупателей в мелочах. Чиновники и представители компании всегда берут взятки и торгуются.

В понедельник, 23 мая небо было ясным, морская поверхность — совершенно спокойной. Стояла невыносимая жара. 24 мая, вторник. Погода ясная, море спокойное, зной изнуряющий, хаджи здоровы.

24 мая, во вторник вечером в девять часов с четвертью пароход достиг границы миката, прозвучал гудок и было сделано объявление о прибытии на место.

Хаджи еще до достижения миката облачились в ихрам. Я тоже был в ихраме, но у меня не было изара и риды, но, тем не менее, я был махрам.

25 мая, в среду в 11 часов показалась Джидда. Порт Джидды не пригоден для захода морских судов. За столько веков можно было бы исправить этот недостаток. На рейде стояло несколько пароходов. Среди них было несколько турецких и греческих судов.

Мы прибыли 25-го числа в двенадцать тридцать. От госпожи моего сердца была телеграмма, которой я очень обрадовался: *Все здоровы наша жизнь прекрасна все получили.* Я очень, очень обрадовался.

25 мая пароход прибыл в Джидду. Нас встретили с почетом. На берег нас доставил специальный катер, затем мы прошли карантин. Досмотра не было, врачи приняли нас с уважением и с уважением же осмотрели. Я нанял носильщика. Оказалось, что в Джидде запрещается ездить на автомобилях. Я остановился в доме Мухаммада Насифа. Дом — большой, на втором этаже расположена специальная большая комната. Отличная комната. Я отдохнул, выпил чаю. Вода была замечательной. Она дождевая. Оказывается, ее собирают и хранят в специальных цистернах. Очень сладкая, свежая вода. Говорят даже, что она живая. Как оказалось, элита Джидды и ее состоятельные жители пользуются только дождевой водой. Дома Джидды телефонизированы. Можно поговорить с Меккой.

Я поговорил с Юсуфом Ясином¹. Хотя расстояние между городами и небольшое, слышимость была плохой. Но я все же смог объяснить свою цель и попросил найти для меня комнатку близ ал-Харам. Я сказал, что хочу совершить са'йи. 6 мая я отправился в Голландский банк. Затем посетил живущего неподалеку турецкого шахбандара² — господина Сулеймана Шавката и господина Мухаммада Надима. А после этого имел встречу с египетским шахбандаром. Поговорили. Я выразил свою жалобу по поводу их запрета. Потребовалось написать заявление о предоставлении разрешения, которое я написал, и вышел оттуда.

Я посетил нашего полпреда³. Человек замечательного ума. Язык его столь же красноречив, как и его ум. Он владеет всей информацией о ситуации.

Вся сила Ибн Сауда заключается в поддержке исламского мира. Конгресс — единственный путь. И если в этом году конгресс и не состоялся, он непременно соберет его в один из следующих годов. Исламские государства в этом отношении виноваты. Не был избран президиум, остался неизбранным исполнительный комитет, не выполнено ни одно из принятых решений. Не поступило финансовых средств откуда бы то ни было. И более того — даже отзыва откуда-нибудь не поступило.

По поводу заседания в октябре-ноябре Мекканский центр от имени президиума разослал поздравительные телеграммы, представитель в Джидде предпринял активные действия в вопросе о Мекке, но Шараф Аднан⁴ не осмелился совершить такой шаг. Что касается Хафиза

¹ Юсуф Ясин — уроженец Сирии, перебрался в Аравию в 1923–24 гг., сблизился с султаном Неджда Ибн Саудом, исполнял обязанности его советника по политическим вопросам, позднее был назначен министром и главой политического департамента королевства и главным редактором газеты «Умм аль-кура».

² Шахбандар (перс.) — чиновник, представлявший интересы в данном случае турецких торговцев, ведущих дела в Хиджазе.

³ Полпред (полномочный представитель) — вероятно, здесь М. Бигеев имеет в виду Карима Габдрауфовича Хакимова (1892–1938), своего соплеменника, первого советского дипломата в арабском мире, который наладил доверительные отношения между СССР и Саудовской Аравией, и благодаря которому было налажено морское сообщение между Одессой и Джиддой.

⁴ Шараф Аднан — делегат Мекканского конгресса 1926 г. от Хиджаза, был избран председателем конгресса.

Вахбы¹, то он, хотя и является самым толковым из всех и сравнительно уважаемым персонажем, все же он египтянин, и со стороны короля ему мало доверия, точнее, его практически нет. В событиях в долине Мина он был на стороне Египта, из-за этого он даже подал в отставку. Король принял его отставку, но затем Хафиз Вахба отозвал свое заявление об отставке. Это был недостойный шаг, нечто такое, что выглядело как дискредитация политики короля.

Здравоохранение

Нечистоплотность присуща не только хаджиям, но она очевидна и на пароходах, и в пунктах остановки. По пути в хадж хаджий вынужден терпеть всевозможные тяготы.

Хадж — это предстояние перед божественностью в голой пустыне человека, очистившегося от всех привязанностей.

Местное время в Джидде и Мекке такое же, как Ленинграде. Если и существует какая-то разница, то она составляет 15–20 минут.

Джидда — Мекка

Нескольким компаниям принадлежит около ста пятидесяти автомобилей.

Имеется небольшое регулярное войско, получающее жалованье. Оно хоть и малочисленно, тем не менее все ополчение, которое вооружается за счет племен, представляет собой грозную силу.

Фердинанд де Лессепс² завершил строительство Суэцкого канала, но в Панаме успех от него отвернулся.

Канал

Сегодняшний канал был открыт 20 ноября 1869 г. Он соединил Средиземное море с Красным. Общая длина канала составляет 145 км, наибольш-

¹ Хафиз Вахба (Хафиз Вахба аз-Зухайли, 1889–1969) — уроженец Египта, посвятил свою жизнь служению королям саудовской династии. Исполнял обязанности мэра Мекки после того, как в 1925 г. ее завоевал Ибн Сауд. Позднее возглавлял департамент образования королевства. С 1938 г. служил послом Саудовской Аравии в Японии. Также исполнял обязанности представителя саудовского короля в Ватикане, посла Саудовской Аравии в Великобритании.

² Фердинанд де Лессепс (Фердинанд Мари, виконт де Лесепс, 1805–1894) — французский дипломат. В годы своей дипломатической службы в Египте (1831–1837), пользуясь служебным положением получил у вице короля страны Мухаммада Саид-паши (1822–1863) концессию на строительство Суэцкого канала. В 1859–1869 гг. руководил строительством канала. Начиная с 1879 г. возглавлял акционерное общество «Панам», созданное для строительства Панамского канала и которое обанкротилось в 1889 г.

шая ширина его 11 км, глубина достигала 8 метров¹. Все суда проходили по нему очень медленно. Канал непрерывно расширяется. На этих работах заняты от 200 до 300 человек. Канал существовал еще в эпоху фараонов. Тогда его длина составляла около 200 км. Он был возвращен к жизни в эпоху халифа Умара, достигнув длины 225 км. Следы этого канала видны до сих пор. Селим² собирался обновить его, но потерпел неудачу.

29 мая около 3 пополудни подали автомобиль. Мы сели в него вдвоем. Все было отлично. За час добрались до Бахры. Воздух был весьма зноен, по пути не встретили ни одного человека. В Бахре немного постояли. Затем поездка стала заметно труднее. В воздухе было много пыли, по дороге шло множество верблюдов, движение немного затруднилось. В час вечерней молитвы мы достигли окрестностей Мекки. Близ Хамидии мы вышли из автомобиля, поскольку, как оказалось, далее движение на автомобилях запрещено. Мы довольно намучились. Я передал свой багаж носильщику и пошел пешком. Остановился у выходца из Казани Абд аш-Шукура-эфенди. Оставался у него два-три дня.

Я встал рано, купил себе обувь в лавке на улице. Пошел в мечеть ал-Харам. Было девять утра, когда я начал совершать таваф. В ал-Харам я пробыл около часа. Затем приступил к са'йи. Было жарко, и я ходил медленно. Каждый круг я проходил в течение приблизительно десяти минут. Семь проходов заняли чуть более часа времени. После са'йи немного перевел дух, огляделся. Прозвучал азан. Вернулся к себе, когда настало самое пекло. Немного устал. В течение трех дней я ничего не ел, не было аппетита. Зато пил непрерывно.

Я обратился к таким государственным мужам, как Юсуф Ясин, Абдаллах ад-Дамлуджи³, Хафиз Вахба, и даже к Сулейману Шафик-паше⁴ по поводу места. Обратился и к Тевфику Шарифу⁵. Безрезультатно. Поэтому остался у Абд аш-Шукура в качестве гостя. Я был здоров и полон сил, но не было аппетита. И я не пил ничего, кроме напитка, напоминающего катык.

В среду начало месяца зу-л-хиджжа не подтвердилось⁶. Пятница была принята как второй день зу-л-хиджжа. Как обычно, продолжался Большой хадж.

¹ В настоящее время протяженность Суэцкого канала составляет 173 км, ширина по зеркалу воды достигает от 120 до 150 м., ширина дна — 45–60 м., глубина — 20 м.

² Селим (Селим II, 1524–1574) — одиннадцатый султан Османской империи, правил в 1566–1574 гг. Третий сын султана Сулеймана I Кануни и Роксоланы.

³ Абдаллах ад-Дамлуджи — выходец из Ирака. С 1915 г. исполнял обязанности медицинского советника и врача, при Ибн Сауде. Затем отвечал за прием иностранных гостей при дворе в Эр-Рияде. После захвата Ибн Саудом Хиджаза был назначен личным представителем короля в Джидде. Затем — заместителем министра иностранных дел и оставался на этом посту почти до 1930 г.

⁴ Сулейман Шафик-паша — в 1912 г. исполнял обязанности губернатора Басры. От лица османских властей, которые стремились обрести в лице Ибн Сауда союзника, проводил с ним переговоры.

⁵ Тевфик Шариф — делегат Мекканского конгресса 1926 г. от вилайата Асир, также исполнял обязанности секретаря конгресса.

⁶ Дата начала месяца зу-л-хиджжа в записях М. Бигеева упоминается дважды: здесь и ниже. Исходя из этого мы предположили, что здесь имеется в виду среда, 8 июня 1927 г.

Меня навел Тевфик Шариф. Пробыл два-три часа. Его верность на высоте, акида крепка, убежденность в единобожии совершенна. Благодаря своей состоятельности он обрел большие возможности. Он сообщил, что в Мекке будет создан общемусульманский университет, центр исламского развития.

Я сказал, что в этом плане Мекка во всех отношениях уже опоздала. Мекка отстала в вопросах этики, религии, бытовой и ритуальной, нравственности. Если Мекка сможет привязать к себе исламский мир, то Аравия может быть просвещена также и в плане вероубеждения.

Был вторник, я встал, совершил омовение. Стоял июнь месяц. Предполагая, что, возможно, наступил шестой день зу-л-хиджжа, который мог оказаться и седьмым, я отправился к Запретной мечети, исполнил таваф, совершил са'йи и, вознамерившись совершить хадж, вошел в ихрам. Было легко. Даже во время совершения са'йи я не испытал трудностей. Людей было весьма много, и я был внимателен и собран. Я ни к кому не прикасался и ни с кем не сталкивался. Далее я собрался пешком пойти к горе Арафат. Решил, что отправлюсь туда восьмого числа зу-л-хиджжа, в среду, иншаллах. Также я собирался переночевать на горе Джабал ан-нур.

Седьмого июня во время вечерней молитвы было объявлено о начале месяца¹. Среда стала первым днем месяца, до наступления четверга. Мои планы немного изменились. В среду я встал рано. Было время сухура, когда я вышел в путь к Горе света. В пути я провел много времени, ожидая кого-нибудь, кто мог бы стать для меня проводником, и поэтому мой подъем на гору пришелся на полдень, в самый зной.

Я поднялся на гору. Немного устал. Некоторое время посидел в пещере, предавшись размышлениям в этом божественном медресе. Сегодня это совершенно заброшенное место. Пещера чиста. Но крайние постройки, расположенные на горе, совершенно разрушены. По пути к горе и на самой горе я не повстречал ни одного человека. Поднялся на гору, спустился, очень устал. Спустившись с горы, выпил чаю в одной чайной. Но жажда не прошла, однако поиски воды не увенчались успехом. Пройдя еще четыре-пять верст я остановился в одной кофейне и вдоволь напился чаю и отдохнул. Во время послеполуденной молитвы я продолжил путь и через час достиг долины Мина. Возле Джумра ал-вуста, близ кофейни мне повстречался господин Саид Али. Мы посидели вместе. Я пил чай.

После заката мы тронулись в путь и, останавливаясь на отдых в двух-трех местах, наконец-то дошли до Муздалифы. Здесь мы переночевали и до рассвета отправились к горе Арафат. Шли неспешно. Перед самым рассветом гора Арафат озарилась светом.

¹ По нашим расчетам, сделанным на основе записей М. Бигеева, 7 июня приходилось на вторник.

Мы были в пути, когда взошло солнце. Воздух был чист и прохладен, поэтому мы не устали. Дошли до мечети Нимра. Саид Али ушел в свою палатку. Я остался возле мечети, намереваясь соединить две молитвы, я расположился в кофейне, поскольку мечеть была очень грязной. Я хоть и зашел в нее один раз, оставаться в ней оказалось невозможно. Я вышел и прочитал намазы снаружи. Воздух был свеж, жара спала.

Во время послеполуденной молитвы я направился к горе. Шел пешком, останавливался несколько раз. На горе людей было мало. Благодаря опеке короля на территории вокруг горы Арафат царила абсолютная тишина. Все были побеждены зноем. На одной песчаной горке было установлено три-четыре палатки, люди танцевали, пели и громко разговаривали. Я немного удивился этому. За пару часов до вечерней молитвы на Арафате началось движение, стали загружаться *шукдуфы*¹, пришла в движение вся масса людей. Куда там ждать заката солнца! Это и невозможно. Одновременное перемещение двухсот-трехсот тысяч хаджиев, конечно же, дело непростое. Массовый исход людей с горы — это очень трудное дело.

Я был один, и в руках у меня было около пятнадцати фунтов ноши. Я нанял носильщика и двинулся в путь после захода солнца. Так я избежал трудностей и шел первым. Я достиг долины Муздалифа, побыл там час-два, затем направился в сторону долины Мина и там переночевал.

Рассвело. Я, поспешая, поднялся на холм, дабы увидеть церемонию обновления *кисвы*. Кисва была обновлена, но я не смог увидеть праздничный намаз. Но была прочитана *хутба*, которую слушал я один. Это была крайне слабая *хутба*. Я удивился тому, что в мечети ал-Харам было мало людей. Я долго наблюдал, и именно в этот раз мне выпала честь увидеть камни Каабы. По причине непринятия *махмиля*² правительство Египта запретило изготовление кисвы. Саудовское правительство распорядилось изготовить кисву. Хорошее дело.

Затем я вернулся к себе и прилег, поскольку устал. Отдохнув, я поднялся и пошел осматривать окрестности долины Мина. Переночевал в кофейне. Действительно, в долине Мина и на горе Арафат безопасность на высоте, и там более чем обычно правит безопасность. Но в том, что касается чистоты, то об этом заботы мало. И этот грех лежит не на правительстве, большая часть греха лежит на самих людях. Действительно, государство ни на йоту не виновно в том, что мечети долин Мина и Муздалифа загажены так, словно это отхожие места. И если люди осознанно и по лени загаживают мечети, то какой смысл говорить о других причинах?

Пришло время сказать прямо: если у нас и соблюдаются столпы религии, то ни в одном из столпов нет ни смысла, ни духа — одна только

¹ Шукдуф (*араб.*) — носилки или паланкин для езды на верблюдах.

² Махмиль (*араб.*) — специальный паланкин, предназначенный для транспортировки кисвы и даров для Каабы.

голая видимость. Народ совершает намаз, но в нем нет духа, народ надевает ихрам, соблюдает его форму и при этом он не ведаёт ни истины, ни морали. Обряд стояния на горе Арафат совершенно лишен пользы. Собрания в долине Мина совершенно лишены смысла, таваф представляет собой бесполезную беготню, лишённую какого-либо внутреннего содержания.

Я ходил пешком, и мне было хорошо. В дни хаджа я не съел ни ломтика пищи. Правило недопустимости близости, распрей и ссор во время хаджа полностью было воплощено на моем примере¹. Я многое повидал и вернулся в добром здравии. В воскресенье, 12 зу-л-хиджжа, 12 июня утром около восьми часов я был в своей комнатке.

Если действовать согласно принципу «суть вещи определяется по наносимому ею вреду», то на примере беспорядков, происходящих на Арафате и в долине Мина, мы можем извлечь уроки того, каким образом нам следует привести в порядок наши дела. В мире ислама отсутствие порядка проявляется во всех делах, движениях, решениях, поклонении — в общем, во всем. Отсутствие порядка во всем взывает о необходимости наведения порядка во всем. Но даже такая польза не была суждена нам и не могла быть суждена на протяжении многих лет.

Судовой доктор с парохода поведал, что Ибн Сауд обратился к правительству Турции с информацией для турецких хаджиев: «Безопасность на высоте, и если вы будете препятствовать хаджиям, то это будет равнозначно недоверию моему правительству и мне лично». Правительство приняло это обращение с условием гарантии безопасности хаджиев. Предприняв все необходимые санитарно-гигиенические меры, оно отправило три парохода с хаджиями. Ни один турок не испытал каких-либо трудностей. Нигде нет карантина.

В расположении палаток на Арафате не было порядка. Если кто-то отдалялся от своей палатки, то обратного пути к ней уже невозможно найти. Если бы территория Арафата была поделена на сектора посредством ям, каналов, или снабжена башнями, указателями, номерами, то, конечно, установился бы порядок.

На Арафате погибло до тысячи хаджиев, в долине Мина — три тысячи хаджеев. В деле погребения умерших наблюдались небрежность и непочтительность. Это вызывало тяжелое чувство в сердцах людей. Народ испытывал ненависть. Но грех не только на правительстве, но и на самих людях. Поскольку в долинах Арафата и Мины каждый вынужден заниматься своими делами, то было бы хорошо, если бы государство взяло на себя заботу о телах умерших. Можно же было создать какую-нибудь религиозную комиссию и хоронить умерших, проявляя хотя бы минимум уважения.

¹ М. Бигеев подразумевает 197-й аят суры ал-Бакара: «Хадж — известные месяцы, и кто обязался в них на хадж, то нет приближения (к женщине), и распутства, и препирательства во время хаджа». — Коран / пер. смыслов и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Феникс, 2014.

Смерти в долине Мина и Арафате были вызваны солнечными ударами. Народ совершенно не заботится о состоянии своего здоровья. Отсутствует какая-либо тень или укрытие. Даже при этом нынешний хадж прошел достаточно хорошо. На Арафате умерло около одной тысячи человек, в долине Мина — около 1400. Служба здравоохранения постаралась, но все же в большинстве случаев она приезжала на место слишком поздно.

В день Курбан-байрама в долине Мина произошло много смертей из-за давки. Тела умерших были собраны в одно место и сложены в высокую кучу. Затем была вырыта общая могила, и все они были сброшены в нее. Это было удручающее зрелище. Ужасная сцена оттолкнула от себя людей. Куда ни глянь — вся долина усыпана трупами. Поскольку у страха глаза велики, то казалось, что счет умершим идет на несколько тысяч, хотя на самом деле их было не более двух-трех тысяч.

Правительство распорядилось похоронить всех умерших в одной яме. Надо признать, что в дни хаджа повсеместно была обеспечена безопасность. И хаджи не были ограничены в чем-либо. Было много иранцев. Их представитель направил благодарственное письмо в правительство. Потерявшихся не было. Не было и каких-либо препятствий их мазхабу.

Между Мединой и Меккой курсируют автомобили. Один такой выехал 15 июня по маршруту Мекка–Медина, Медина–Джидда. Цена 25 золотых, или сто пятьдесят рублей. И если начавшиеся сегодня такие важные проекты не будут доведены до реализации, то вина за это лежит на нас, в религиозности, морали и общественном воспитании начинателей. На чем-либо другом, в частности на проектах, никакой вины нет.

Я ознакомился со статьями по проблемам халифата: они представляют собой сомнения по отношению к другим и демонстрируют отсутствие опоры на собственные силы. Они основаны на том, что по всем аспектам проповедуют испуг перед англичанами.

Если у яванцев и индусов победу одержала нечистоплотность, то у бедуинов, у неждийцев победила чистота. По меньшей мере, они не справляют нужду возле своих домов. Отходят далеко.

Сообщают, что король очень переживал по поводу того, что в гибели хаджиев в Мине и на Арафате имеется определенная вина в том числе и правительства.

В долине Мина погибло около 400 хаджиев. Большинство умерших — это хаджи, которые искали смерть, потому они не предпринимали каких-либо мер осторожности.

Наконец-то воцарилась безопасность. Правда, она была установлена благодаря применению силы. Но отсутствие безопасности почти всегда происходило по причине притеснений со стороны правительства. Племена были побеждены.

Если бы обеспечение безопасности возлагалось только лишь на армию, то для обеспечения безопасности во всей Аравии потребовалось бы

более двух миллионов гиней (риалов) вложений. Сила Неджда обеспечила гарантии безопасности. Она была воздвигнута на ответственности всех племен. Никакая другая сила не могла бы добиться этого.

Автомобиль

Правительство установило цену в 15 гиней за проезд из Мекки в Медину. Фирма выразила несогласие, посчитав это слишком дешевой ценой. Цену подняли до 25 гиней за человека. Узнав это, правительство привело перевозчиков к клятве, а для компаний, берущих за проезд больше этой суммы, был назначен штраф. Причем перевозчиков обязали возвращать разницу в цене. По причине большого количества желающих хаджиев дороги (автомобили) разбиты.

(Окончание в № 4 журнала «Ислам в современном мире».)

Семья Мусы Бигеева. Ленинград, 1927 г. Слева направо в первом ряду сидят: Фатима, Асьма-ханум, Муса-эфенди, Марьям, Ахмед; стоят: Зайнаб, Мухаммед, Хинд.
(Фото из семейного архива М. А. Тагирджанова, внука М. Бигеева.)

موسی افندی حارالله

Муса Эфенди Бигъевъ.

Собственность, изд. Т-во „Васита“

Почтовая карточка с портретом Мусы Бигеева, выпущенная издательским Товариществом «Васита» («Посредник»), которое существовало в Казани в 1917–1919 гг. (Фото из семейного архива М. А. Тагирджанова, внука М. Бигеева.)

MUSA BIGEEV'S HAJJNAME 'IT MAY BE SAID I AM THE ONLY ONE FROM RUSSIA...'

Aidar G. KHAIRUTDINOV,

Cand. Sci (Philos.), associate professor,
senior researcher of the Department
of the History of Religions and Social
thought, Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of
Tatarstan (5 entrance Kremlin, Kazan,
420014, Russian Federation).
E-mail: khaidar67@mail.ru

Abstract: The article considers a unique document – the diary of Musa Bigeev dedicated to the Hajj that he performed in 1927. The material reveals us little-known facts about the life of the Tatar theologian. The article summarizes the part of Musa Bigeev's personal archive consisting of his diaries and presents a detailed description of the diary entries about Bigeev's Hajj journey. Also, the article briefly discusses the history of

hajjname as a Tatar literary genre, considers the events, preceding Bigeev's Hajj, our knowledge about this journey and particular features and contents of Hajj travel diaries.

It published the first part "Notes", ending at No 4. Fully document in Russian and Tatar languages to be published in the Publishing House "Medina". Translation and comments made by Aidar G. Khairutdinov. Scientific translation editor Shamil R. Kashaf.

Keywords: Musa Bigeev (Bigiev), Hajj, genre of Hajjnameh, rituals of Islam, the Meccan Congress, the international political organization of Muslims, the history of Saudi Arabia.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-25-50

